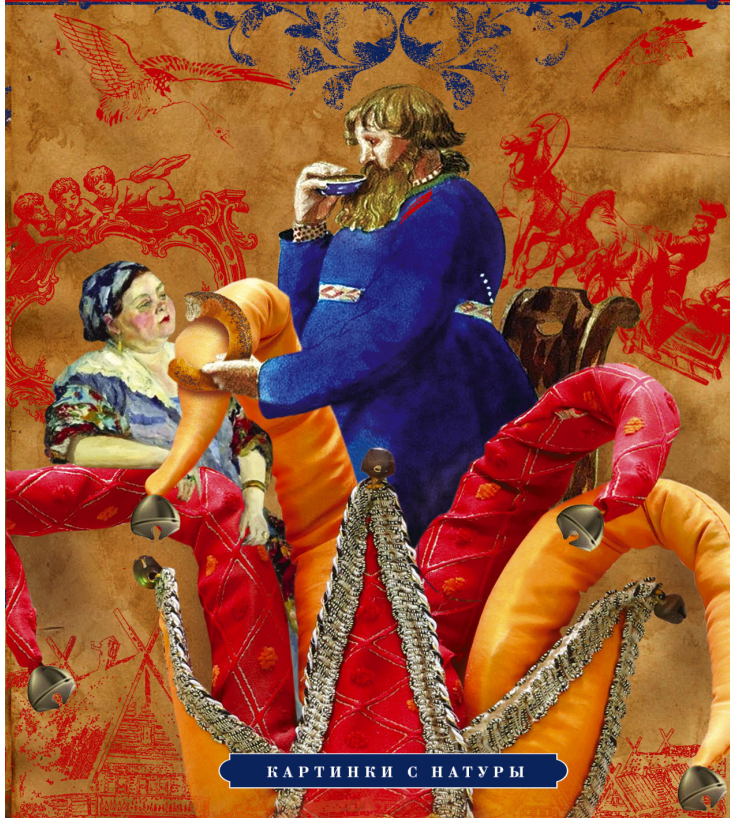


Л. Николай Де Рин

шуты гороховые



КАРТИНКИ С НАТУРЫ

Николай Александрович Лейкин

Шуты гороховые.

Картинки с натуры

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67065366

Шуты гороховые. Картинки с натуры / Н.А. Лейкин: Центрполиграф;

Москва; 2022

ISBN 978-5-227-09740-8

Аннотация

В этом сборнике рассказов перед читателем предстает парад мест, событий, действующих лиц и ситуаций, характерных для конца XIX века и изображенных в свойственном известному сатирику-классику Н.А. Лейкину ироническом ключе. Во всем можно найти смешную сторону, и все люди, можно сказать, шуты гороховые, если взглянуть с определенного угла, а герои зарисовок-наблюдений автора-юмориста – так уж точно. Однако рассказы отнюдь не однобоки, они не демонстрируют только веселые и до смешного неприглядные стороны человеческой натуры, но и показывают грустные, лирические сцены. Как в прошлом, так и теперь жизнь на удивление многогранна, и творчество Н.А. Лейкина в полной мере раскрывает ее разносторонность

Содержание

Парадный обед	8
У судебного следователя	25
Приемный час редактора	29
У доктора	33
На Фонтанке	37
Перед праздниками	41
Канун Пасхи	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49



ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ



Николай Лейкин
Шуты гороховые.
Картинки с натуры



*Парадный обед
У судебного следователя
Приемный час редактора
У доктора
На Фонтанке*



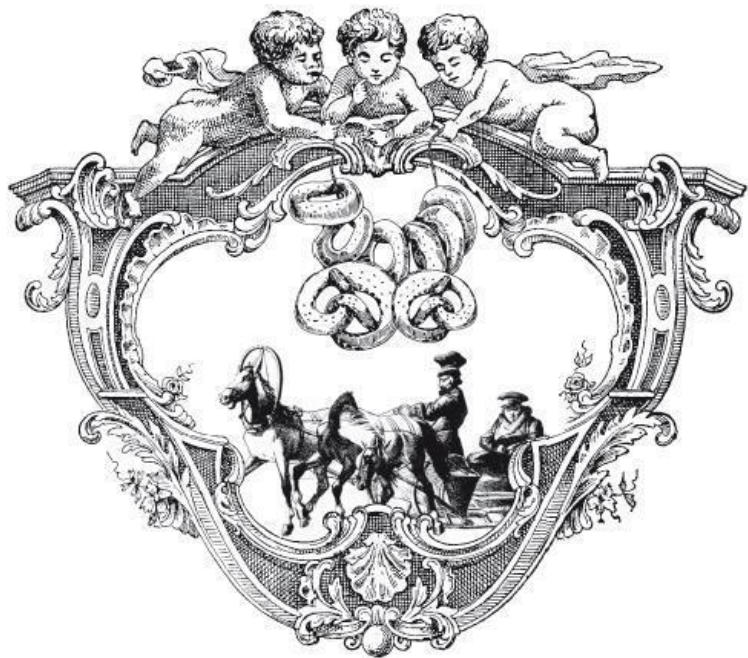
и другие рассказы

КАРТИНКИ С НАТУРЫ



© «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022



Парадный обед

У купца Амоса Потапыча Семишкурова подтасовались сразу три радости: Станислава на шею получил «за благочестие и позлащение иконостаса», дом новый окончил постройкой и переехал в него на новоселье, заняв «под себя» большое помещение и заново омеблировав его.

– Довольно лаптем-то щи хлебать, можно и порасшириться... Слава богу, на наш век теперь хватит! – сказал он жене и порешил все эти три радости праздновать парадным обедом, подогнав его к 17 сентября, к именинам жены.

Прежде всего, решено было угостить «нужных» людей. Гости приглашались с разбором и «кто почище», но так как приглашением нельзя было обойти близких родственников и из серого купечества, то их приглашали с тонким внушением.

– Милости просим, – говорил им Семишкуров. – Только смотрите: обед парадный будет. Наш приютский генерал обещался быть и, окромя того, некоторые финансовые лица; из банков. Хочу по-модному устроить и чтобы с речами. Голлого пьянства не будет, а все как по-благородному... потому неловко, осудить могут.

– Да мы нешто только из-за одного пьянства?.. – пробовали обижаться родственники.

– Нет, я так, к слову... Иной сейчас нажрется винища и в

ссору полезет. Разные тоже бывают. А зачем это?

Выпил по малости, да сиди и слушай, что умные люди говорят.

– Ну вот, учи еще! Что ж, у тебя калегварды будут играть?

– Зачем? Коли речи, так калегвардов не надо. Нынче эта музыкальная горлопятина за обедами уж не в моде, особливо ежели кто в своем собственном доме, а не в ресторане... Так милости просим, господи!

– Придем.

Обед стряпал «француз», сервировка была отличная, меню на атласной ленте, с вензелевым изображением имени хозяина дома и под короной. Французу вменено было в обязанность, чтобы в числе кушаний была непременно подана коза с позолоченными рогами и чтобы на стерляди стояли раки на шпагах, и чтобы «корякой».

– Как в графских домах... – прибавил хозяин.

Гостей звали на обед ровно в пять часов, а гости-купцы, по купеческой замашке, начали собираться только в шестом часу. Приютский генерал приехал первым, а вторым пришел приходский протопоп в светло-синей шелковой рясе. Хозяина несказанно опечалило, что генерал был без ленты, а только со звездой на фраке. Хозяин долго тряс ему руку и не утерпел-таки, чтобы не сказать:

– А я полагал, ваше превосходительство, что вы меня во всем параде осчастливите.

Генерал понял, в чем дело, и улыбнулся.

– В лентах, мой милый, Амос Потапыч, только на парадные обеды принято ездить, – любезно отвечал он и потрепал хозяина по плечу.

– Помилуйте, да ведь у меня сегодня парадный обед и есть. Ведь я двадцать лет верой и правдой грош к грошу приколачивал, чтобы дом-то выстроить. Наконец, через ваши же руки такое благоволение... – прибавил хозяин и поправил орден на шее. – Я даже полагал сегодня наш приютский мундир надеть, да так уж... Надеюсь, ваше превосходительство, что вы уж хоть осчастливите меня за обедом несколькими теплыми словами от души?

– Обеденных речей я вообще не говорю, но для моего почтенного и многоуважаемого...

– Премного вами благодарен, ваше превосходительство! – снова потряс хозяин руку генерала.

Протопоп расчесывал гребнем волосы, косился на приготовленную закуску и говорил:

– Поздненько у вас, драгоценный Амос Потапыч, к обеду гости-то съезжаются. Словно якобы вы на акриды и дикий мед звали, но, судя по трапезе, нужно предполагать противное сему.

– Да ведь что же вы поделаете с нашим купеческим невежеством! Мало еще нас в газетах хлещут! Звал к пяти, а они по своему серому понятию такие мысли содержат, что, мол, чем позднее, тем лучше: придешь, мол, рано, так словно даровой еде обрадовался, – пояснил хозяин.

Влетел пристав из участка, в мундире и густых эполетах.

– С монаршею милостью, с новосельем и с именинницей! – заговорил он, потрясая руку хозяина. – Гнал, гнал ку-чера, думал, что уж опоздал, ан оказывается...

Пристав обвел глазами комнату.

Вошел известный всему Петербургу маленький финансовый еврей, с подстриженною бородкой на обезьяньем лице и с оскаленными зубами. Хозяин опрометью бросился к нему и стал потрясать его руку.

– Некрещеный? – тихо спросил один купец другого.

– Некрещеный.

– А ловко ли православным христианам с ним за одною трапезой?.. Уже и Амос Потапыч тоже!.. Человек благочестивый, и вдруг... Смотри, с отцом протопопом кланяется!

Хозяин то и дело посматривал на часы. Было почти шесть. Гости собирались, но вяло.

– Господи! Что ж это какой беспорядок! Зовешь к пяти, и вдруг такое продление? – всплескивал он отчаянно руками. – Господа, пожалуйста закусить пока... А тем временем, может быть, и соберутся, – прибавил он. – Батюшка, благословите трапезу и начните вместе с его превосходительством. Исаак Соломонович, прошу покорно! – обратился он к финансовому еврею.

Отец протопоп благословил и, придерживая левою рукою рукав рясы, правою взялся за графин с водкой. Купцы стали подходить к закуске. Были и фрачники, были и сюртучники.

Все внимание сюртучников было обращено на финансового еврея.

– Смотри, смотри, – шептали они, – водку благословенную пьет, а колбасы не трогает. Вон сардинку взял... икру ест.

– По ихней жидовской вере колбасу ежели или ветчину – беда! Сейчас нужно к своему попу в синагогу бежать, чтобы рот святить. У них строже нашего. Поп поставит в угол и заставит целый день бормотать без удержу жидовские молитвы.

Водка оживила гостей. Начался громкий говор. Хозяин подбежал к купцам фрачникам.

– Господа! – сказал он. – Генерал за обедом будет речь говорить, так уж жарьте и вы после него. «В настоящее, мол, время, когда мы все собрались вкупе...» Ну, и так далее... Петр Федорович, ведь в думе же иногда произносите! Наконец, я и в обществе взаимного кредита слышал, как ты резал. Чего отставать от людей? Современности надо подражать.

От купцов-фрачников хозяин перебежал к сюртукам, взял под руку какую-то клинистую бороду и отвел в сторону.

– Сидор Пантелеич, генерал будет уже речь говорить, так уж, пожалуйста, не перебивай его. Я тебя знаю. Ты, как выпьешь лишнее, сейчас и закричишь не вовремя «ура!». Лучше в порядке...

Гость обиделся.

– Коли хочешь, так я и за стол не сяду. Важное кушанье

– твой генерал! Видали мы!

– Не кричи! Я тебя честью прошу. А насчет стола зачем же? Ежели бы я не хотел, то и не звал бы тебя. Ну, полно кочевряжиться! Я ведь по-приятельски...

Четверть седьмого сели за стол. Хозяин старался сажать гостей «по ранжиру». Протопопа посадил по правую руку от себя, финансового еврея – по левую. Генерала поместил напротив. Рядом с генералом села хозяйка.

– Так вы, ваше превосходительство, во всякую минуту и будете мелькать перед моими глазами, а я буду наслаждаться приятным лицезрением вашей персоны, – сказал хозяин.

Сюртукам и гостям «попроще» отвели места на концах стола. Те все еще продолжали интересоваться «жидом».

– Эх, нехорошо со стороны Амоса Потапыча. На старости лет и вдруг такие штуки! – говорил кто-то. – Человек он богобоязненный, еще недавно иконостас позолотил, владыке лично известен, и вдруг протопопа вместе с жидом сажать! Нешто это можно?

– Видно, можно. Ведь протопоп-то сам знает и к стулу не привязан, – пробовали возражать.

– А может быть, он введен в заблуждение и полагает, что это крещеный жид.

Сначала за столом было все чинно. Слышались удары ложек о тарелки. Протопоп раза два принимался рассказывать хозяину, что такое «акрида» и сподвижническая верига, привел пример из Иова многострадального, но хозяин его не

слушал и все обращался к генералу:

– Ваше превосходительство – мадерки! Я перед вами нарочно особенную бутылку поставил. Благоволите пригубить. Это мадера дорогая.

– Выпью, выпью, – отвечал генерал и разговаривал с хозяйкой. – Мать – великая вещь! – говорил он. – Главная задача матери заключается в воспитании молодого поколения, в передаче нравственных идей, так сказать, в гуманном...

– Только и трудно же, ваше превосходительство, с детьми, – перебивала его хозяйка. – Шалят уж очень. Верите ли, иногда все руки обхлещешь об их головы...

Финансовый еврей, наклонясь к хозяину, шептал:

– Цветник женского пола хотя и невелик у вас за обедом, но блистает прекрасными женщинами. Я всегда люблю иметь большое любование на женщин русских купцов. Здоровье и самый лучший свежесть... так, что даже благоухание... О, русские купцы имеют свой вкус!

– Кормим мы их хорошо, Исаак Соломонович, забот у них нет, вот они и толстеют у нас, – отвечал хозяин. – А тут у нашего брата, как иногда платежи подоспеют, а в руках чужих векселей куча, да не знаешь, куда их деть, так до жиру ли? Банковский кредит насчет дисконта, сами знаете, везде нынче сокращен. Я вот вас хотел попросить... Ну, да после!

– После, после... – согласился финансовый еврей и любезно оскалил зубы на какую-то рыхлую и красивую купеческую даму.

– За здоровье именинницы! – возгласил басом горластый официант над самым ухом генерала, так что тот даже вздрогнул.

Все подняли бокалы и обратились к хозяйке. На концах стола задвигали стульями и шли поздравлять ее. Там же забили ножами в тарелки, и кто-то крикнул «ура!», но оно не было поддержано. Хозяин как-то жалобно взглянул на шумящих гостей и замахал им руками, дескать: «Тише, господа!»

– Ваше превосходительство! Почтите радостными словами-то! – умильно обратился он к генералу.

– После, после... – успокоивал его тот. – Еще будет время. Но я бы попросил вас, многоуважаемый Амос Потапыч, приказать официанту не провозглашать тостов. Мы сами их провозгласим. А то этот оперный бассо про-фондо над самым моим ухом...

Официанту было запрещено кричать. Понесли рыбу. На концах стола делалось все шумнее и шумнее. Хозяин то и дело посматривал туда, опасаясь скандала. Он не пил, не ел от волнения.

– Ваше высокопреподобие! – кричал какой-то купец через весь стол священнику. – В котором году у нас была первая холера?

Но тут генерал встал с места и поднял бокал.

– Господа! Я предлагаю выпить за здоровье нашего достойного Амоса Потапыча! – произнес он.

Тут уж гости не выдержали, застучали стульями, забили в тарелки, закричали «ура!».

Все лезли чокаться с хозяином, но тот не внимал и умильно смотрел на генерала.

Взор его изображал просьбу. Генерал понял, потер лоб и начал откашливаться. «Тс!» – послышалось со всех сторон. Генерал начал:

– «Concordia res parvae crescunt» – вытиснена надпись на голландском червонце, и мы всегда должны ее памятовать...

– Это верно! – откликнулся с конца стола совсем уже захламевший купец с бородой клином, тот самый, которого хозяин предупреждал не прерывать речи.

Ему зашикали. Генерал нахмурился и повторил:

– «Concordia res parvae crescunt...»

– А по-каковски это? – не унимался купец.

– Имейте же, наконец, уважение к прениям! – крикнул совсем уже вышедший из себя хозяин.

Генерал и сам бросил молниеносный взгляд на конец стола, но продолжал:

– Эту надпись должны мы памятовать все до единого. Перед нами простой русский семейный человек, вышедший из народа. Я говорю о достопочтенном Амосе Потапыче, нашем любезном хозяине. Он, в поте лица съедая свой хлеб, выстроил свой дом из крох, падающих со стола его трудовой трапезы... – По лицу хозяина текли слезы. Он протянул через стол свою руку и крепко пожал генеральскую руку. – Вы

видите роскошные палаты, полную чашу домовитости, зеркал и бронзу, хрусталь и фарфор, серебро и золото... – вдохновлялся генерал.

– Божие милосердие... – подсказал протопоп, умильно качая в такт головой, но хозяин дернул его за рукав рясы.

– Да... Божие милосердие, украшенное драгоценными камнями. Одним словом, мы созерцаем рог изобилия, сыплющий свои дары в руки достойного. Я потому говорю «достойного», что он не лежит на своих богатствах, как Кощей, а уделяет их от щедрот своих и сирым, и неимущим. Ежегодно вносит он в наш приют известную сумму...

– Небось не вносил бы, кабы приютского мундира не позволили носить! – опять послышался чей-то довольно громкий возглас, но на него не обратили внимания.

– Но, не довольствуясь ежегодным взносом, он еще недавно позолотил иконостас на свой счет, – говорил генерал. – Да... позолотил. Вначале я упомянул о доме. Но не в роскоши сила, сила в семейном согласии. В нем и счастье. Амос Потапыч пользуется этим счастьем, сплотившись в своей многочисленной семье, среди чад и домочадцев. Поэтому-то я и начал свое краткое приветствие латинскою цитатой «Concordia res parvae crescunt». Пожелаемте же ему того счастливого согласия и в новоотстроенном доме, каковым он пользовался на своем старом пепелище, а щедрая Фортуна посыплет на него богатство своим чередом. Но важнее согласия здоровье, а потому выпьемте за здоровье Амоса По-

тапыча!

Раздалось «ура!». Хозяин рыдал от умиления, полез через стол обнять генерала и уронил бутылки. Вино пролилось на скатерть. Гости вскочили из-за стола и лезли к хозяину целоваться. Потрясали и руки генерала.

– Качать его! Качать! – кричали гости, но недоумевали, кого качать – хозяина или генерала, а потому схватили на руки обоих и начали подбрасывать.

– Довольно, господа! Довольно! – кричал генерал.

Кой-как все уселись. Официанты понесли жареную козу.

Встал хозяин и обратился к генералу:

– Ваше превосходительство, Аристарх Никодимыч! В го-
лове моей много чувств, но грудь моя не находит слов, дабы
высказать вам благодарность, так как вы осчастливили ме-
ня, простого человека, своим присутствием и осчастливили
радостными словами веры, надежды и любви в сей день, 17
сентября. Я уповаю и впредь поддерживать сирот под вашей
администрацией, но пуще всего буду стараться очищать на-
ше серое купечество от азиатского невежества и, как простой
русский славянин из Ярославской губернии, буду им пода-
вать пример пути к Европе. А с вашей стороны молю о под-
держке и поощрении, так как мы учены на медные деньги
и все, что по своему образованию чувствуем, до цивилиза-
ции своим умом дошли. Дорогие гости! Выпьемте за здоро-
вье драгоценного Аристарха Никодимыча!

Опять движение стульев, опять «ура!». Гости шли чокать-

ся с генералом.

– Ай да господин Семишкуров! Какую вы хорошую речь держали! Bravo! Bravo! – тихо аплодировал хозяину финансовый еврей.

Хозяин самодовольно улыбнулся.

– А теперь вы, Исаак Соломонович, скажите, – упрашивал он еврея.

– Нет, нет, я никогда не говорю. Я только слушаю, – качал тот головой и скалил зубы.

– Нельзя этому быть-с. Мы вас заставим. В чужой монастырь со своим уставом не ходят, а у нас сегодня обед европейский и с речами.

Но в это время поднялся с места протопоп, и хозяин замахал руками и зашикал, давая знать, чтобы шум умолк.

– Достопочтенные сотрапезники! – начал протопоп. – Я не предлагаю тоста за здоровье хозяина, ибо он искренно уже был предложен его превосходительством, но хочу в свою очередь изречь краткое приветствие именитому коммерсанту. Благочестивый купец Амос Потапыч, ревнитель храмов Божиих, подпора вдов и сирот, столп верующего семейства! Следуя по пути цивилизации, который ты предначертал себе, молю об одном: не поддайся ты веянию вредного нигилизма, да не коснется эта тлетворная гидра твоего сердца и да останешься ты тем же ревнителем и столпом, которым был доселе, радея храму Божию и принося посильную лепту свою на пропитание вдов и образование сирот в духе христианства!

Протопоп кончил. «Ура!» раздалось на концах стола. Там думали, что опять пьют за чье-нибудь здоровье. И оно, пожалуй, было уже кстати, так как хозяин, отблагодарив протопопа троекратным целованием, кричал:

– Господа! Выпьемте теперь за здоровье высокочтимого отца Иоанна!

«Ура!» стояло в воздухе. Гости снова повскакали с мест. «Качать! Качать!» – слышались возгласы, трое подскочили уже к протопопу, но хозяин остановил их и загородил собой священника.

– Братцы, духовную особу нельзя качать! – строго сказал он. – Он пастырь и рукоположен...

Гости оставили его, но на места не садились. К супругам подошел раскрасневшийся от вина седоватый купец и, растопырив руки, забормотал:

– Мы хоть и по части мусорного очищения подрядным делом занимаемся, а речь сказать все-таки можем и даже сразу обоим в жилу попадем. Плодитесь и размножайтесь!

Купец поклонился и, оборотясь к генералу, спросил:

– Правильно я, ваше превосходительство?..

– Верно, верно, старина! – одобрительно потрепал его тот по плечу.

Польщенный купец схватил его руку и, потрясая, произнес:

– И вас также высоко ценим! Вы вот нами не гнушаетесь по своему чину, а мы это чувствуем.

Обед приближался к концу. Было шумно. Тосты предлагались за кого попало и кем попало. На иные из них не обращали уже внимания. Вдруг хозяин вспомнил, что не пили за здоровье финансового еврея, а он «человек нужный». Его даже ударило в жар от такой опрометчивости, но он нашелся, как поправить дело.

– Господа, я прошу слова! – крикнул он.

– *Silentium omnibus!* – шутливо протянул хозяину в тон отец протопоп.

– Господа, я предлагаю выпить за здоровье трудолюбивого и почтенного Исаака Соломоновича! – продолжал хозяин. – Но да не обидится он, что мы пьем его здоровье в конце парадного обеда. Остатки всегда сладки. Выпьемте!

Тост был принят холодно, но некоторые все-таки повскакали из-за стола и лезли чокаться с евреем. Тот расцеловался с хозяином «по-русски», как он говорил, то есть троекратно и со щеки на щеку, а гостям, как вербный алебастровый заяц, учащенно кивал головой, щурился и любезно скалил зубы.

– Смотри, с жидом целуется! Ах, старый пес! – довольно громко заметил про хозяина один купец другому.

Хозяин стал просить финансового еврея сказать какую-нибудь речь. Тот и решился было, ибо хотел сгладить ею свое неловкое положение, встал с места и только начал:

– Я прошу извинения, что, так как я не славянин, то и не могу иметь и хорошего разговора по-русски...

Как вдруг кто-то перебил его и во все горло заорал:

– За здоровье пристава, так как они наши защитники!

Большинство забило ножами в тарелки. Пристав раскладывался, а финансовый еврей сел и уже наотрез отказался продолжать речь.

– Я не умею, я не умею... Да и не время теперь... – бормотал он, сконфуженный.

Хозяин был взбешен и даже побледнел от злости.

– Вот, ваше превосходительство, какое еще у нас в купечестве безобразие среди всей цивилизации! – отнесся он к генералу.

Тот только пожал плечами, закатил глаза под лоб и наклонился к хозяйке с каким-то вопросом.

– Исаак Соломоныч! Бога ради, простите вы им их серое невежество! – твердил хозяин и тряс руку финансового еврея. – Ну, что на них обижаться? Ведь пьяные...

– Я ничего... Я ничего... – отвечал еврей и поправлял свои очки.

– Господа, я прошу слова! – раздался возглас, и с места поднялся солидный купец во фраке и с подстриженной бородой.

Это был гласный из думы, но в думе никогда не говоривший. Здесь он вздумал себя попробовать. Вино развязало ему язык.

– Как славянин с матушки широкой Волги, поительницы и кормилицы нашей, я хочу вспомнить о другом славянском единстве, находившемся долгое время под игом турецкого

зверства, и обратить ваш взор на храбрых герцеговинцев и черногорцев. В то время, когда мы здесь бражничаем за роскошными яствами пресыщения плоти, там, на синем Дунае, катящем свои волны под шум деревьев, может быть, сидят голодные и холодные младенцы и обильные слезы текут по их челу со скорбью на устах...

Фрачного купца сначала слушали со вниманием, но после этих слов какой-то сюртучник замотал головой и крикнул:

– Это насчет пожертвования? Знаем! Сами семерых собирать послали.

– Простремте руку помощи! – ораторствовал фрачный купец. – Рука дающего не оскудевает и в щедрую десницу воздастся вам сторицею!

В это время за обедом кончали уже мороженое. Гости, увидав, что оратор полез в бумажник и, вынув три рубля, положил их на тарелку, задвигали стульями и стали выходить из-за стола.

Хозяин и сам был доволен, что обед уже кончился.

– Уж извините, чем богаты, тем и рады! – раскланивался он на все стороны и, подойдя к генералу, сказал: – Не обессудьте, ваше превосходительство! Думал завести обеденную механику по-европейски, а некоторые места вышли по-скотски, так что большой конфуз от моих гостей имею.

Он отчаянно развел руками.

– Ничего, ничего. Все было хорошо, все было прилично! А ведь в семье не без урода! – отвечал, улыбаясь, генерал

и, заключив Амоса Потапыча Семишкурова в свои объятия, расцеловал его.

Фрачный купец стоял у стола с тарелкой в руках, но гости всячески старались обходить его.

У судебного следователя

Окружной суд. Общая приемная судебных следователей. 11 часов утра. Пусто. Вызванные свидетели только еще собираются. На одной из скамей сидит мужик, громко вздыхает и вертит в руках повестку, на другой лежит сторож, завернувшись в солдатскую шинель, и по временам кряхтит, на третьей, как раз против сторожа, помещается старичок в плохеньком теплом пальто с кошачьим воротником. Старичок в серебряных очках то и дело нюхает табак. Судебный следователь еще не приходил. С лестницы в открытую дверь слышны чьи-то гулкие шаги.

– Должно быть, сам идет, – говорит сторож и подымается со скамьи.

Мужик и старичок откашливаются, но вместо следователя входит баба в синем суконном кафтане и цветном платке. За пазухой у нее грудной ребенок. Она подает сторожу повестку. Тот вертит повестку в разные стороны, смотрит в нее и говорит:

– Не приезжал еще. Дождитесь своего термину.

Опять молчание. Сторож жметесь, кутается в шинель и пристально смотрит на старичка.

– Да вы не доктор будете? – спрашивает он его ни с того ни с сего.

– Нет, мы табачники. Табачную на Петербургской дер-

жим... – отвечает старичок.

– Так! А я по очкам-то думал – доктор. Знобит вот все, ну, и живот вертит... Как подхватит это в поясах – беда!

Опять шаги. Входит купец в лисьей шубе и ищет по углам образа, чтобы перекреститься, но, не найдя их, останавливается перед сторожем.

– Бога-то и нет у вас. Чудесно! А мы к судебному следователю, – говорит он и сует сторожу повестку. – Не разберешь ли, земляк, по какому делу?

– Мы неграмотные.

– Неграмотные. Чудесно! Да тут и не обозначено. А я думал, не известны ли вы так, понаслышке. Изволите ли вы видеть, мы басонщики...

– Не являлся еще следователь-то, – ввязывается в разговор старичок.

– Не являлся? Чудесно! Значит, обождем... Три дня в сумнении ходим. Верите ли, даже по ночам пужаюсь, потому в неизвестности. Теперича, изволите видеть, на Масленице маленько чертили грешным делом, так мало ли что во хмелю может случиться... Звезданешь кого ни на есть в ухо, а ему увечье. Где же все упомянуть...

– Нет, вас в качестве свидетеля вызывают, – утешает его старичок, заглядывая ему в повестку, – значит, не вы обвиняетесь, а не видали ли что, не слыхали ли.

– Да ведь мало ли что в пьяном образе видишь! Увидал драку, ну, и ввязался. Бац в нюхало или едало – ну, и вино-

вен. Мало ли каких прокламаций бывает!

– Нет, уж насчет себя вы успокойтесь. Это насчет других опрос будет.

– Насчет других? Ну, значит, чудесно! Теперь как гора с плеч! А жена пошла даже молебен служить... Вчера на церковный свечей одних поставил... Смучился даже... На еду не тянет... Хочешь щец хлебнуть, ан и ложка в рот нейдет, потому мало ли что... Мы люди мастеровые, так как в басонстве состоим, драки у нас этой самой пропасть! Иной раз как саданешь!..

В приемную входит чиновник с орденом на шее. Лисья шуба умолкает.

– Куда пройти к судебному следователю 00 участка? – грозно спрашивает он сторожа.

– Не являлся еще, ваше высокоблагородие... Потрудитесь обождать...

– Обождать! На одиннадцать часов вызывает, а еще и самого нет! Нечего сказать, порядки!

Чиновник садится. У бабы начинает плакать ребенок. Она вскакивает и начинает бегать с ним по приемной, стараясь его унять. Ребенок не унимается. Гулко и звонко раздается его рев. Баба силится перекрычать его. Она поет и жужжит над его ухом. Чиновник морщится.

– И зачем это только сюда с ребятами пускают! – восклицает он. – Здесь присутственное место...

– Это вы, ваше благородие, действительно... Детскому со-

словию здесь не место, потому самая крикливая нация, — откликается купец.

Но баба уже воет над ребенком, а тот так и заливается...

— Эй, тетка, ребенка-то бы следовало дома оставить, — продолжает он.

— Да не на кого, голубчик, не на кого. Неужто бы я на себя такую муку взяла? — отвечает баба. — Мы, прачки, изволите ли видеть... Все наши бабы на реку белье полоскать ушли...

— Белье полоскать ушли! Дура! Неси сюда ребенка-то. Вот их высокоблагородие пугнет его хорошенько, так авось он тогда уймется. Пугните его, ваше высокоблагородие, вашим страшным обликом. Это иногда помогает... Рывкните на него хорошенько!

— Послушайте, да вы в уме? — произносит чиновник и хочет встать, но баба уже подошла.

— Смотри-ка, дядя-то какой страшный! Бука! Смотри-ка, нос-от какой у него! У! — говорит она ребенку. — А глазищи-то какие зеленые! Глазищи-то! Потереби его за нос, потереби. Скажи: «Дядя бяка!»

Чиновник выходит из себя.

— Послушайте! Это, наконец, невежество! — кричит он.

— Господин судебный следователь! — возглашает сторож.

Приемный час редактора

Хорошо меблированная комната. Письменный стол посередине. По стенам полки с книгами. На полу валяются изрезанные газеты. У окна другой стол. За одним из столов сидит секретарь редакции и что-то пишет. Сам редактор, заткнув перо за ухо, ходит по комнате и чешет затылок. На лице думма.

– Ах, Михаил Иванович, – обращается он к секретарю, – я вот все хотел вас попросить, не составите ли вы корреспонденцию из Рагузы? Герцеговинцы теперь – такой модный животрепещущий вопрос, а у нас об них только одни перепечатки. Ну, возьмите там что-нибудь из газет... Любобратич, Восьмибратич... Выберите по карте какое-нибудь местечко... Упомяните о стычке, обозначьте побольше число раненых и убитых турок... Ну, о невежестве коснитесь... Знаете, по общему шаблону... по трафарету... Поняли?

– Ну, еще бы... – отвечает секретарь.

– Да напишите в скобках: «от нашего собственного корреспондента». Хорошо бы упомянуть о какой-нибудь девушке, похищенной в гарем. Придумайте ей имя попоэтичнее. Насчет раненых пройдитеесь... обругайте австрийских докторов... Пожалуйста!

– С удовольствием...

Секретарь садится. Входит юный армейский офицер. В

руках у него сверток, обвязанный розовой лентой.

– Мне бы господина редактора видеть... – робко говорит он.

– Я редактор. Что вам угодно?

– Пользуясь отпуском и находясь временно в Петербурге, я вам принес стихи, которые бы желал напечатать... Это, так сказать, досуг моего деревенского уединения... Мы в деревне стоим, так, от скуки... Я и прежде вам присылал несколько раз, но почему-то не удостоился... Теперь я привез целую тетрадку. Тут комические есть, трагические, но больше любовные...

Офицер развязывает ленту и передает редактору тетрадку, исписанную самым лучшим писарским почерком. Редактор начинает перелистывать. Попадаются заглавия: «К ней», «К ее бантику на лебяжьей груди», «К ее алькову», «Маше», «У ее изголовья», «В кустах». В глаза бросаются стихи:

Скажу в глаза и за глаза:

Чиста, чиста твоя слеза,

Ползет на девственных ланитах,

Как бы отшельник непорочный в скитах...

– Извините, мы этих стихов не можем напечатать, – говорит редактор и отдает рукопись.

– Отчего же? Вы прочтите, тут есть разные...

– Неудобно.

– Отчего же, помилуйте! Стихи, кажется, самые удобные.

Тут есть и большие, и маленькие... Есть даже двустиишие, посвященное нашему адъютанту:

Твержу я целый век:
Ты благородный человек.

– Эти стихи не подходят к программе нашего издания.
– Отчего же не подходят? Вы попробуйте напечатать, так, может быть, и подойдут.

– Извините, они неудобны для нас...
– Странно... Разве вы не можете объяснить, почему неудобно?

– Редакция не дает объяснений.
– Еще более странно!

Офицер берет рукопись и уходит. Входит купец с клинистой бородкой.

– Что вам угодно?
– Мы насчет тещи. Тещу бы нам отчехвостить хорошенечко, – отвечает он визгливым голосом.

– То есть как это? – спрашивает редактор, еле удерживая смех.

– В статейке продернуть... Такая бестия навязалась, доложу вам... Изволите видеть, мы шорники будем и в прошлом году на ейной дочери женились... И взяли их как есть за одну их красоту, ну, и тещу эту самую... потому они при своем вдовстве железом торговали. Капиталов никаких... Бо-

жие милосердие было, небель... Теперича мы их сгоняем с кварталы, потому каторга от них, а не жизнь, а оне небель назад требуют. «Я, – говорит, – шесть пудов одной медной посуды с собой принесла, окромя трех самоваров». Насчет перин и подушек Господь с ней... а медная посуда – сами знаете... Тут у меня в жалобе все как следует объяснено... Пожалуйте! Нельзя ли, ваше высокородие, так ее отчехвостить, чтоб до новых веников не забыла!

Редактор в недоумении.

– Помилуйте, какая жалоба! Здесь не квартал...

– Ах, господи! Что будет стоить, мы за ценой не постоим... Только бы ее попугать хорошенько...

– Обратитесь к мировому судье...

– Мы это знаем-с... А все-таки хотелось бы нам пробрать ее в газету на обе корки. Теперича мне даже в пищу всякую дрянь подмешивает.

– Извините, это не наше дело...

– Ежели у вас лошадки, мы бы вам хомут или седло с нашим удовольствием... Ремни, гужи какие...

– Ничего не могу сделать...

– Так нельзя отбарабанить?

– Нельзя-с...

– А жаль! Прощенья просим!

У доктора

Роскошно убранный кабинет. Доктор принимает пациентов.

– Номер первый, пожалуйста! – восклицает лакей.

В кабинет входит молодая дама и кланяется. Доктор восторженно смотрит на нее. Она потупляет глазки и молчит.

– Прошу покорно садиться, сударыня, и объясните мне, пожалуйста, чем вы страдаете?..

– Я к вам не за тем, – робко отвечает дама. – Я ничем не страдаю.

– Но позвольте вас спросить, что же у вас болит?

– Ах, ей-богу, я не знаю... Мне стыдно сказать...

– Сударыня, как перед врачом в кабинете, так и перед священником на духу нет секретов.

– Нет, нет, никак не могу!..

– Покажите ваш прелестнейший язычок...

– Ах, оставьте, я совсем здорова... Я не за тем... Вот видите ли, у меня муж купец и каждый день пьян... Ах, не могу, не могу!

– Успокойтесь, сударыня, и расскажите все по порядку...

– Муж каждый день пьян, а у нас есть приказчик, но никакого внимания на меня не обращает, так нельзя ли какого-нибудь корешка или снадобья?..

– Понимаю, понимаю... Вы влюблены, и влюблены

несчастливо... Значит, вам нужно приворотного...

– Да-с, – чуть слышно отвечает дама и выбрасывает из кулака на письменный стол четвертную бумажку.

Доктор косится на бумажку, хмурит лоб и говорит:

– Что ж, это можно... Конечно, это средство неверное, но все-таки попробуйте. Чем ваш муж торгует?

– Да у них скипидар, вохра и все эдакое... Шубный клей есть.

– Прелестно. А приказчик брюнет или блондин?

– Брюнет и даже с сизым отливом, как вороново крыло, а на шее родимое пятно и около глаза царапина.

– Царапина? Еще того лучше. Прописывать лекарство я вам не стану, а вот дам леденец, возьмите и кладите ему каждый день в чай по кусочку, да чай подавайте сами, а через неделю зайдите сюда.

Доктор вынимает из стола витушку ячменного леденца, завертывает в бумажку и подает ей.

– А мне все есть можно? – спрашивает дама.

– Все, все до капельки!

Входит купец в сибирке.

– Что у вас? Чем больны?

– А вот, извольте ли видеть, в поясах щемит и как бы что под сердце отдает, ну и голову крутит, словно как бы кто тебя поленом съездил! Явите божескую милость, полечите хорошенько, за благодарностью не постоим, – кланяется купец.

Доктор глубокомысленно закусывает нижнюю губу.

– Покажите язык... Больше, больше! Чего вы боитесь? Я не откушу! Объелись, верно?

– Это точно-с. Действительно, третьего дня на похоронах у одного подрядчика блинов двадцать съел, потом это хмельная антимония началась, пуншевую сырость разводили... и все этокое... не оставьте нас, грешных! Верите ли, разогнуться не могу! И в баню ходил, и перцовкой терся...

– Снимите сибирку и лягьте на диван.

Купец жалобно смотрит на доктора и ложится. Доктор начинает мять ему спину, спрашивая:

– Не больно? Не больно?

Купец кричит и стонет. Доктор напирает еще сильнее. Купец вскакивает.

– Ага! Проняло? Отлично. Я пропишу вам лекарство, но прежде всего вам нужно сидеть на диете.

– А где эту деету купить-то можно? В мебельной лавке, что ли?

– Да что же, по-вашему, диета-то – мебель, что ли! От пищи воздерживаться надо! Один суп с булкой есть. Чай пить жиденький с белым хлебом... Лягьте еще, я вас смеряю...

Доктор лезет в шкаф с инструментами и для пущей важности начинает перебирать хирургические инструменты. Вот достал акушерские щипцы. Мелькнула сталь на солнце. Купец пугается.

– Батюшка, ваше высокоблагородие, увольте от этого! Не дамся! Нельзя ли так! Вдвое заплачу! – вопит он.

– Ну, бог с вами! Только для вас освобождаю... Да главное – насчет еды остерегайтесь. Пирогов не ешьте.

Доктор пишет рецепт. Купец лезет в карман и достает синенькую.

– Так и щец, и пирожка с капусткой нельзя?

– Нельзя.

– И с морковью невозможно?

– Невозможно.

– А с рысью и с яйцами?

– Нельзя.

– А с творогом или вареньем?

– Да нельзя же, говорю вам!

– А насчет хмельного былья? – робко спрашивает он.

– Пейте, только умеренно!

– Вот насчет этого спасибо!

Купец лезет снова в карман, прибавляет к синенькой еще целковый, раскланивается и уходит.

На Фонтанке

Сквозь тонкий лед ледокольной майны на Фонтанке провалилась пробегавшая собака. Она жалобно визжала и билась, стараясь выкарабкаться из воды, но тонкий лед обламывался под ней, и она снова падала в воду. Визг ее был пронзителен и раздирал душу. На набережной стал останавливаться проходивший народ. Толпа быстро увеличивалась. Слышались соболезнования, но спасать собаку никто не решался.

– Утонет, – говорит полушубок. – Как пить даст – утонет.

– Нет, выкарабкается, – отвечает другой, – как до твердого льда дойдет, так и выкарабкается. Вишь, как визжит-то жалобно, будто человек! А спасти можно. Стоит только доску накинуть.

– Идет на пару пива, что утонет?

– Ах ты, душевная! Умирать-то тоже не хочется, – вставляет слово баба.

Стоящий рядом купец хмурится:

– Душевная! Нешто про пса можно так говорить!

– А все-таки блажен раб, еже и скоты милует. Ах, как визжит-то, сердечная! Братцы, да что ж вы так-то стоите. Можно багор подать, петлю накинуть...

– У меня полушубок новый... Мальчик, зайди вон на плот-то, да помани ее будто булочкой...

– А хорошая собака... Это, надо статья, польской поро-

ды. На охотника так рубль целковый даст.

– Ври больше! Нынче польские-то собаки ничего не составляют. Вот ежели бы лягаш был!.. Да и вовсе это не польская, а водолаз, потому у водолаза этого самого в лапах перепонка...

– Водолаз! – передразнивает солдат. – Ты видел ли водолазов-то? У нас у поручика водолаз был, так тот у дверей на лестнице в колокольчик звонился. Схватит зу-бьем за колокольчик да и позвонится. Капут! Поминай как звали! Нет, вынырнула!.. А теперича ежели ее спасти, лучший друг будет.

– Это точно... – замечает чуйка. – Теперича у нас в Ямской у извозчиков собака... на каретном дворе... Гусяляк один держит, так у него теща... ну и козел от домового взят... Так эта собака все с козлом... На Масленице стала это она печь блины... а сам он пошел в трактир...

– Эх, как воет! Даже слушать жалостно! Видно, со щенятами!

– Нет, мужской нации... Со щенятами давно бы ко дну пошла. Только эта самая теща... Нет, что я?.. собака...

С дрожек соскакивает проезжавший бородач в золотых очках, расталкивает народ и подходит к перилам.

– Что тут такое? – спрашивает он.

– Собака тонет, ваше высокоблагородие...

– Так что же вы стоите и не спасаете! Эх вы! А еще православные! Как вам не стыдно за свое бессердечие!.. Да знаете

ли вы, что даже само общество покровительства животным за это награды назначает. Ведь у собаки так же, как и у человека, жизнь, ведь она так же мучается... Вон доски на спуске валяются, тащите их за мной. Господа, я честью вас прошу...

– Нет, сунься-ко сам, коли тебе жизнь дешева, – раздаётся со всех сторон. – Да у нас тоже дело есть... Нам прохлаждаться из-за собаки невозможно...

– Почтенные, помогите барину!.. Отчего собаку не спасти, коли возможно... – спрашивает какая-то женщина.

– А ты стегани сама прежде... Тонуть будешь, так по крайности карналин поддержит, а мы в полушубках по-топорному...

На льду раздаётся пронзительный вой. Бородач в очках подбочивается.

– Так не хотите вы честью, распроканальи, архибестии? – кричит он. – Где городской? Я вас!..

Два мужика снимают шапки. Некоторые пятятся.

– Не хотите, ракалии?.. За мной, анафемы, коли так!

Раздаются крепкие слова. Несколько полушубков бегут на спуск и поднимают доски. Ругательные слова звенят в воздухе. Откуда являются энергия, воодушевление! Крючник распоясывается и подаёт веревку. Доски положены на лед, веревка закинута, и собака спасена. Вот она отряхивается от холодной воды и робко смотрит на окружающих. «Ура!» – раздаётся на набережной.

– А ловко нас пробрал барин... хороший такой... ласко-

вый... Не обругай – ни за что бы собаку не спасли... – говорят мужики.

Вдали показывается городской.

Перед праздниками

Лавка в Александровском рынке. Страстная неделя. Приказчики – кто убирает товар, кто занимается с покупателями. В конце прилавка стоит большой чайник с чаем, завернутый в старое байковое одеяло; на чайнике уместился серый кот и греется. Хозяин на пороге и по временам раскланивается с проходящими мимо знакомыми покупателями. Рядом с ним лавочный мальчик; он косится на хозяина и звонким дискантом выкрикивает название товаров. Около хозяина останавливается купец с подстриженной бородой и здоровается.

– Откуда? – спрашивает хозяин.

– Из думы. Ведь наше дело тоже подрядное, – отвечает подошедший. – Вот теперича эти самые мостовые мостить... грязь свозить. Оказия! Ну, как торгуете?

Хозяин машет рукой.

– Какая теперь торговля на Страстной... Обстоятельный покупатель скрылся, потому у него по домашеству занятие, а идет ежели, так шишгаль... Кому, к примеру, нехватка чего, или для подарков, или только что жалованье получил, а то и к ростовщику что спулил. Теперичный покупатель – горечь.

– Это точно. А нет ли у тебя ситчику какого ни на есть поплоче? Крестница у меня есть, так ей подарить надо. У швейцара крестил... Славная девочка. Подросточек, знаешь, ну так уж рядиться-то хочется... Нет ли чего из завали

аршинчиков двенадцать?

– Как не быть! Толкнись к молодцам – покажут.

Купец входит в лавку и говорит:

– Комиссия это тоже перед праздниками! Тому дай, тому сунь... Всего оберут... Теперича у нас – трубочисты, из бань народ – все лезут, а отказать нельзя!

В лавке стоят покупатели: чиновник в фуражке с кокардой и его жена. Перед ними нарыт товар.

– Ну, Васеньке на рубашку купили, Манечке на бурнусик тоже... – говорит жена. – Вот Марфе надо бы платок к празднику подарить. Она такая услужливая, расторопная. У Петьки зубки шли, так все ночи с ним маялась.

– Ну, что платок! – отвечает муж. – Действительно, она женщина расторопная... Нужно ее чем-нибудь получше наградить. На платье ей купить, что ли? Нет ли у вас ситчику какого погнилее, так, совсем плохенького? – обращается он к приказчику.

Приказчик раскладывает ситец.

– Ну нет, это не годится: у меня почти точно такой капот есть. Что ж кухарке в одно перо с барыней рядиться, – произносит чиновница.

– Нет ли у вас какого-нибудь совсем линючего, – добавляет муж. – Сами знаете, кухарке подарить надо. Действительно, она такая старательная... Теперь у нее посуда в кухне, самовар – жаром горят... Вы не стесняйтесь, господин торговец, показывайте... Хоть бы ежели мышами проедено бы-

ло, и то ничего...

Далее в товаре роются два мужика и баба. Один мужик потребовал от ситца образчик и жует его, пробуя, слиняет краска или нет.

– Нет, родименькие, это все не то, не тот манер... – говорит баба. – Теперича перед тем как Митрофану Игнатьичу окриветь, так наезжала сюда Анисья... вот ситец так ситец брала она! Травка, а на травке букашка, и промеж всего вавилон городками...

– Эх, тетка, видно, вам птичьего молока требуется! Даром только топчетесь да от дела отбиваете, – с упреком говорит приказчик. – Нешто это модель столько товару нарыть! Ну, чего зря нюхаешь! Бери вот этот манер! Тут и зелень, и маков цвет! Пойдешь по улице, так бык бросится, корова за траву примет! Ну! Что топчешься, словно слепая в бане! Решай! С людей четвертак аршин, а с тебя двугривенный.

– Да мне бы, миленький, волдыриками хотелось, а чтоб на волдырике жук...

Приказчик выходит из терпения.

– Волдыриками! Вот как хвачу куском по затылку!.. Вчерашнего дня, видно, требуется!..

– Земляк, земляк! Что ты! Мы купим! – останавливают его мужики.

– Купим! С собой ли деньги-то? Лешие эдакие! Черти! Право, черти! Вы думаете, здесь деревня? Здесь Санкт-Петербург!

– Ну, режь, режь пять аршин на полечку! Вишь, как раскудахтался!

Входит нарядная дама. У дверей останавливается ливрейный гайдук с покупками.

– Нет ли у вас платков, какие обыкновенно простолюдины покупают? – говорит она. – Я всегда беру в английском магазине, но мне сказали, что у вас дешевле. Знаете, эдакую безвкусицу... Чтоб и зелень, и желтизна, и красный цвет...

– Есть, ваше превосходительство, – отвечает приказчик, наклоня голову набок и из учтивости как-то проглатывая слова.

– Понимаете, что-нибудь азиатское...

– Поняли, ваше сиятельство!

– Чтобы разительно действовало на грубый вкус мужика...

– Будьте покойны, ваша светлость! Пожалуйте!

– Доброты не надо, краски могут быть линючие, только бы подешевле...

– В самый раз будут. Пожалуйте!

– Ежели шерстяные, то могут быть и молью съедены...

– Потрафим! Пожалуйте!

– Мне, знаете, кухонную прислугу и дворников к празднику наградить, так чтобы им нравилось.

– Останутся довольны! Пожалуйте.

Приказчик выкидывает на прилавок платки. Дама вооружается лорнетом и начинает рассматривать товар. Гайдук ко-

сится и отдувается. Лавочный хозяин дает мальчишке подзатыльник и кивает на даму. Мальчишка бросается со всех ног и подает даме стул.

Канун Пасхи

Страстная суббота. Десятый час вечера. В квартире многосемейного купца Треухова пахнет запеченной ветчиной, лампадками. В гостиной, перед простеночным зеркалом, стоит лукошко с окрашенными яйцами, четверговая жженая соль в банке, пасха с изюмом и кулич с бумажным розаном. Лавочные мальчишки собираются все это нести святить, приютились в прихожей перед зеркалом и усердно мажут себе головы деревянным маслом. Сама, то есть хозяйка, суетится с кухаркой в кухне около печки и торопливо говорит ей:

– Ну уж это ты, Матренушка, справь как следует, а меня пусти одеваться! Того и гляди, к заутрене опоздаешь.

Около нее, держась за подол платья, стоит ее маленький сынишка и облизывается.

– Мама, дай мне кусочек... – упрашивает он.

– Нельзя, душенька, грешно теперь – это скромное; потерпи до утра, а то поп заставит себя на кочерге возить.

Хозяйские дочки то и дело перебегают залу, держа над головами по вороху туго накрахмаленных юбок.

– Ты будешь после заутрени с приказчиком Иваном христосоваться? – спрашивает одна сестра другую.

– Ни за что на свете! Мне стыдно. Он на Вербной неделе подарил мне сахарное сердце с ликером внутри. А ты?

– Я только разик, да и то сжавши губы. Мне кажется, Катя, что он влюблен в меня. В Вербную субботу он встретился со мной в коридоре и сунул мне в руки пряник с надписью «любовь».

– Ври больше! Это он тебя за меня принял, потому дело впотьмах было.

– Пожалуйста, не заноситесь насчет вашей красоты! Я уже давно рассказала, что у вас левый бок на вате.

– Дура!

– От дуры слышу!

Молчание. Хозяйские дочки начинают на себя навьючивать юбки.

– Ну, а со старшим приказчиком, Ананьем Панфилычем, похристосуешься как следует? – снова спрашивает старшая.

– Само собой. Ведь он старик, да к тому же у него в деревне жена есть. Ведь эти поцелуи ровно никакого чувства не составляют.

Сам пока еще в халате, сидит в зале у стола около лампы и роется в старом календаре. Мимо пробегает сама.

– Ты бы, Лазарь Калиныч, оболокался, – говорит она. – Одиннадцатый час. Опоздаем, так после и в церковь не влезем. Что за радость с мужиками стоять да тулупы нюхать!

– Сейчас. Дай только найти, в котором году у нас большое наводнение было. Первую холеру нашел, пожар в Апраксином тоже... У меня спор с Николаем Кузьмичом. Завтра придет христосоваться, а я ему и преподнесу. У нас в это навод-

нение сторож Калистрат утонул.

– Не воображаете ли вы, что я завтра со всеми вашими сторожами христосоваться буду? – кричит из другой комнаты старшая дочка. – Мерси! Я уж и так в прошлом году все губы об их бороны обтрепала.

– Кто тебе говорит о христосованье! Я наводнение ищу. Вот как выдерну из-за божницы пук вербы! Чего на ссору лезешь?

– Ах, скажите, как вас испугались!

Хозяйский сын, молодой франт, ходит по комнате и напевает «Светися, светися, новый Иерусалиме!».

– Это в каких смыслах вербу? – спрашивает он.

– А чтоб постегать!

– Следует. Она давеча на мою новую циммермановскую шляпу села.

Из другой комнаты доносится голос другой дочери:

– Папенька, да уймите Володьку! Он у меня целую банку помады на свою голову вымазал и теперь кота помадит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.